

УДК 811.581
ББК Ш 171.11

С. В. Науменко, С. А. Симатова
г. Чита, Россия

Категория наклонения и фразовые частицы как способы выражения модальности в языках разных типов

Статья посвящена одному из самых сложных явлений языка – категории модальности и способам её выражения. В статье рассматривается категория наклонения в рамках русского и английского языков в сопоставлении с языком иного типа – китайским. Как один из главных способов выражения модальности в китайском языке рассматриваются фразовые частицы. В заключении предлагается описание значений и примеры употребления двух частиц китайского языка – 啊 и 呢.

Ключевые слова: модальность, способы выражения модальности, категория наклонения, фразовые частицы, языковой тип.

S. V. Naumenko, S. A. Simatova
Chita, Russia

The Category of Mood and Phrasal Particles as Ways of Expressing Modality in Different Types of Languages

The paper is devoted to one of the most complicated phenomenon of the language – the category of modality and ways of its representation. The paper describes the category of mood in Russian and in English in comparison with the language belonging to a different type, the Chinese language. The paper examines modal phrasal particles as one of the most frequent ways of expressing modality in Chinese and describes the meanings of the two Chinese particles (啊 and 呢) and examples of their usage.

Keywords: modality, ways of expressing modality, the category of mood, modal phrasal particles, language type.

Одной из категорий языка является категория модальности. Несмотря на то, что при изучении разделов языкознания, а также при освоении какого-либо иностранного языка все время от времени сталкиваются с терминами «модальный глагол», «модальная частица», «модальное слово», немногие однако имеют цельное представление о категории языка, которую эти термины выражают. Чтобы понять сущность понятия «модальность», необходимо иметь не только лингвистические знания, относящиеся к данной проблеме, но и владеть данными об изучении категории модальности в рамках философии, с которой лингвистика в данном случае имеет тесную связь.

Изучением модальности занимались ещё в античные времена. Наиболее значимыми в этом отношении являются труды Аристотеля, который считается основателем важной для сегодняшнего времени науки – модальной логики. Аристотель разделил все сущее на две большие группы: сущее в возможности и сущее в действительности. В последующие эпохи между философами шел спор о том, какое сущее является первичным, а какое – вторичным. Это определяло главное отличие между концепциями модальности. Сам Аристотель считал, что любая возможность либо

когда-то существовала в действительном мире, либо ещё будет существовать [2]. Таким образом, Аристотель утверждал первичность сущего в действительности. Противоположной точки зрения придерживался Иоанн Дунс Скот, представитель схоластов XIV в., утверждавший первичность сущего в возможности. Наличие различных точек зрения не помешало вывести общее определение модальности в философии, которое связано с установлением статуса высказывания говорящим, а именно, его достоверности. Таким образом, модальность в философии есть «способ понимания суждения об объекте, явлении или событии» [7, с. 373], и способ этот непосредственно связан с мнением говорящего.

Модальность является довольно сложным лингвистическим понятием. Это объясняется прежде всего тем, что её нельзя назвать собственно грамматической категорией. Грамматическая категория представляет собой ряды грамматических форм, которые имеют однородные значения и противопоставляются друг другу. Если говорить о категории модальности, то здесь мы не найдем ярко выраженных противопоставлений языковых единиц, как в любой грамматической категории. Но самое главное – модальность служит для пере-



дачи огромного количества самых разнообразных значений, что, разумеется, не может связываться с понятием однородности. Поэтому модальность – это «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [8, с. 303]. Наиболее чёткое и понятное определение значения модальности, на наш взгляд, дано В. В. Виноградовым, который рассматривает модальность как «отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности» [цит. по: 2, с. 67], устанавливаемое говорящим.

Большинство исследователей дифференцируют категорию модальности. Самый распространённый аспект дифференциации – противопоставление субъективной и объективной модальности. Субъективная модальность является факультативным элементом высказывания, выражается с помощью модальных слов, частиц, особых грамматических конструкций и т. п. Объективная модальность, напротив, выступает как обязательный компонент высказывания и связывается с различными формами наклонения.

Существует несколько вариантов понимания природы и сущности категории наклонения. Так, О. Есперсен понимал наклонение как синтаксическую категорию, позволяющую выразить «определённые отношения сознания говорящего к содержанию предложения» [цит. по: 2, с. 75]. По мнению В. В. Виноградова, наклонение представляет собой грамматическую категорию в системе глагола, которая определяет модальность действия, т. е. обозначает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом. К этому мнению близка и точка зрения А. И. Смирницкого, определявшего наклонение как категорию, выражающую отношение содержания высказывания к объективной действительности [цит. по: 2]. В трактовке Т. И. Дешериевой наклонение – это «категориальная форма модальности, передающая в синтетической или аналитической форме глагола-сказуемого» такие семантические компоненты, которые характеризуют «соответствующее отношение смысла сообщения к действительности с точки зрения говорящего или пишущего и отношение последнего к смыслу сообщения» [цит. по: 2, с. 75].

Как можно заметить, все перечисленные точки зрения на категорию наклонения отражают противопоставление между двумя основными видами модальности – модальностью реальности и модальностью ирреальности. Соответственно, на первой ступени субкатегоризации наклонения можно выделить два его основных вида – индикатив, или реалис, и ирреалис. Как справедливо отмечают В. С. Храковский и А. П. Володин, «реальной модальности во всех языках, где выделя-

ется категория наклонения, обычно соответствует безпризнаковая (или исходная) форма индикатива (изъявительного, прямого наклонения), а нереальной (косвенной) модальности соответствуют различные формы так называемых косвенных наклонений, которые характеризуются как признаковые или производные по отношению к индикативу» [цит. по: 2, с. 74].

В лингвистике выделяются различные виды наклонений, вместе образующих ирреалис: императив, выражающий просьбу, приказ, совет и т. д., то есть побуждение к любому действию вообще; прохитив, используемый для выражения просьбы, чтобы какое-либо действие не было реализовано; опатив (в грузинском, санскрите, древнегреческом языках и т. д.), употребляемый для выражения желания; кондиционалис (во французском языке), имеющий значение условия для выполнения какого-либо действия; конъюнктив (в немецком языке), передающий значение сослагательности [2].

Категория наклонения как один из основных способов выражения модальности имеет место не во всех языках мира, а лишь в тех, в которых то или иное языковое значение передаётся преимущественно грамматическим путём, то есть в рамках соответствующей грамматической категории, причём категории могут быть и синтетические, и аналитические. Так, в языках, которые обладают развитой системой морфологического словоизменения (системой формообразовательных аффиксов), могут преобладать синтетические грамматические категории. В языках, располагающих разветвлённой системой служебных слов (например, вспомогательных глаголов, как это имеет место в английском языке), ведущими являются аналитические грамматические категории. При этом мы понимаем грамматическую категорию как систему грамматических форм (граммем), объединённых общекатегориальным значением. Следовательно, одним из компонентов грамматической категории является её формальная оболочка, материально выраженная либо граммемой – одним из видов морфем, которая имеет формообразовательное (словоизменительное значение), либо грамматическим служебным словом. Поскольку одни европейские языки в целом располагают в достаточной степени развитой морфологией, а другие – системой служебных слов, в них имеется необходимая база для выражения различных грамматических значений, в частности, значения модальности. В этих языках в рамках грамматической категории, другими словами, нет препятствий для существования категории наклонения. Мы подробнее остановимся на данной грамматической категории в более знакомых нам языках – русском и английском, с целью дальнейшего сопоставления их с типологически непохожим языком – китайским.

В русском языке традиционно выделяют три вида наклонения: изъявительное наклонение, обозначающее реальное действие, – это наиболее употребительное, грамматически немаркированное, не имеющее временных форм наклонение; сослагательное (условное) наклонение, имеющее значение гипотетического действия, формальные средства выражения которого могут находиться как в главной, так и в зависимой части сложноподчиненного предложения; повелительное наклонение, выражающее побуждение к действию, употребляемое в повелительных предложениях, обозначающих просьбу, приказ, совет и другие виды побуждения.

Что касается системы наклонений в английском языке, то разные исследователи придерживаются различных точек зрения. Существует концепция трех наклонений – индикатива, императива и субъюнктива, соответствующих изъявительному, повелительному и сослагательному наклонениям в русском языке. Однако некоторые учёные, например, Л. С. Бархударов, основываясь на однообразии формальных признаков языковых единиц, участвующих в выражении значения модальности, считают, что категория наклонения в английском языке представляет собой двучленную оппозицию индикатив/императив. Также двухчленную, но несколько иную оппозицию, предлагает Л. С. Ермолаева [цит. по: 2]. Поскольку флективные формы императива и субъюнктива совпадают с формой индикатива, выражающего реальность, а нереальность выражается кондиционализмом, представленным аналитическими формами с *should*, *would*, Л. С. Ермолаева выделяет оппозицию индикатив (реалис)/кондиционалис (ирреалис). Схожий вариант оппозиции предложен М. Я. Блохом: он полагает, что в основе категории наклонения лежит противопоставление реальность/нереальность, в системе языка проявляющееся в оппозиции индикатив/субъюнктив [цит. по: 2].

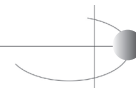
Из анализа приведённых точек зрения на категорию наклонения в английском языке можно сделать вывод о том, что если основываться при выделении видов наклонений на таком признаке, как морфологическое оформление глагола, система наклонений получается довольно простой. Если же за основу классификации принять синтаксические построения, их значение и функции, то и система наклонений становится более сложной и не так легко поддается чёткому и однозначному выделению.

Как же обстоит дело с языковым выражением логической категории модальности в типологически иных языках, в плане морфологии и синтаксиса существенно отличающихся от рассмотренных выше русского и английского языков? Попробуем

проследить это на материале китайского языка. Прежде чем перейти собственно к языковым средствам выражения модальности, коротко остановимся на типологических особенностях китайского языка.

Китайский язык в типологической классификации является типичным представителем языков изолирующего строя. Это означает, что синтаксические отношения между словами в предложении выражаются не формой слова, а порядком слов и служебными словами. Именно позиция слова в предложении и его маркированность тем или иным служебным словом (в частности, предлогом) свидетельствуют о синтаксической функции данного слова. Изоляция является синтаксической характеристикой китайского языка, что же касается морфологии, то это язык синтетический, то есть, то или иное грамматическое значение преимущественно выражается формой самого слова, с помощью аффиксации. Аффиксы китайского языка, в отличие от русского, являются агглютинативными и передают какое-либо одно грамматическое значение, в формальном плане представляют собой отдельный слог, не сплавляющийся с корневой морфемой (в отличие от флективно-фузионных аффиксов русского языка). Формоизменяемые аффиксы китайского языка крайне малочисленны. Это именной суффикс 儿, передающий значение множественности, и глагольные суффиксы 了, 过, 着, выражающие видовременные значения. Соответственно, китайский язык располагает очень ограниченным набором грамматических категорий. Как правило, выделяются категории числа («коллективной множественности»), вида, времени, залога, интенсификации качества [5].

Категория наклонения отдельно не выделяется, хотя, казалось бы, имеет место выражение при помощи глагольных форм тех модальных значений, которые в других языках передаются формой того или иного наклонения. Другое дело, что эти формы не являются специализированными. Так, значение императива (побудительности) передается немаркированной, иначе говоря «нулевой» формой глагола («нулевой граммемой», «нулевым аффиксом»), например, 走 «иди», 看 «смотри», 吃 «ешь» и т. д. Однако здесь речь идет о передаче, главным образом, лишь одного из нескольких значений побудительности, а именно приказа. Значение индикатива (изъявительности) также выражено либо немаркированной глагольной формой, либо одной из аффиксальных, то есть теми же формами, которые передают видовременные значения. Возможно, отсутствие специализированных форм и привело к тому, что лингвисты-синологи не выделяют отдельно категорию наклонения в китайском языке. Что касается значения сослагательности, то для его пере-



дачи существуют разветвленная система союзов и союзных фразеологических единств, которые, по мнению некоторых исследователей, являются самым многочисленным классом союзов, употребляемых в сложноподчиненных предложениях современного китайского языка [1]. Например, это такие союзы, как 如果, 要是, 倘使, 倘或, 倘若, 假如, 若非 и т. д.; союзные фразеологические единства 如果(要是)...话..., 假如...则..., 倘使...那么..., 就是...也..., 即使(即或)...也..., 既然...就..., 只要...便..., 除非...才..., 除非...否则... и многие другие.

Однако, как было сказано выше, значение модальности далеко не исчерпывается теми значениями, которые передаются в рамках категории наклонения (в тех языках, где такая категория выделяется), то есть значениями изъявительности, побудительности и сослагательности. В категорию модальности включаются также многочисленные и разнообразные эмотивные смысловые оттенки, выражающие субъективное отношение говорящего к своему сообщению. На наш взгляд, всё многообразие смысловых оттенков, составляющих категорию модальности, передаётся в китайском языке при помощи функционально-семантической категории, которую условно можно было бы назвать функционально-семантической категорией модальности. При этом под функционально-семантической категорией мы понимаем систему разноуровневых средств языка, объединённых общим (общекатегориальным) значением. В эту категорию входят на морфемном уровне немногочисленные глагольные формы (неспециализированные); на лексическом уровне – модальные глаголы, союзы, наречия, модальные частицы; на синтаксическом уровне – фразеологические союзные единства в сложных предложениях, а также супraseгментные единицы языка (интонация и ударение).

Остановимся подробнее на модальных частицах, само терминологическое название которых свидетельствует об их значении и функциях. В. И. Горелов, определяя функцию частиц, пишет, что они «либо выражают отношения между членами предложения (частями сложных предложений), либо служат средством эмоционально-смыслового выделения членов предложения (частей сложных предложений), либо, наконец, вносят в предложение добавочные смысловые значения и экспрессивные оттенки» [1, с. 79]. Давая классификацию частиц китайского языка, автор выделяет частицы-связки (系词), союзные частицы (连词型助词), усилительные частицы (强调小词), ограничительные частицы (限制小词), отрицательные частицы (否定小词), обобщающие частицы (概括小品词), темпоральные частицы (时间助词), экспрессивные частицы (语气词) [1]. Из всех перечисленных разрядов частиц, по на-

шему мнению, для выражения модальных значений в наибольшей степени предназначены усилительные и экспрессивные частицы, выражающие «различные экспрессивные, модальные и дополнительные смысловые значения» [1, с. 85].

Наличие значительного количества частиц, в частности, экспрессивных, является отличительной особенностью китайского языка [цит. по: 1]. Будучи одним из важнейших средств выражения модальности, частицы обладают очень высокой частотностью употребления в живой речи носителей китайского языка. Наши наблюдения за китайской речью, а также анализ ответов китайцев на целенаправленные вопросы о роли частиц в речевом общении показывают, что речь иностранца на китайском языке, сколь бы правильной грамматически и фонетически она не была, никогда не будет звучать как речь китайца, если не употреблять модальные частицы и фразеологизмы. Это свидетельствует о необходимости специального рассмотрения частиц на самом раннем этапе обучения китайскому языку в средней школе или вузе. В методическом плане весьма актуальным является создание специального учебного пособия, посвящённого этому лексико-грамматическому аспекту китайского языка. В качестве первого шага в этом направлении нами предпринята попытка проанализировать лексико-грамматический комментарий, включающий материал о наиболее употребительных частицах китайского языка 啊 и 呢, имеющийся в нескольких пособиях по грамматике, написанных китайскими авторами. Надеемся, что сделанное нами обобщение поможет в практической работе преподавателей, обучающихся школьников и студентов.

Частица 啊 (частицы 呀, 哇, 哪 – разновидности частицы 啊)

1) Использование в вопросительных предложениях.

Частица 啊 употребляется в общих вопросах, где говорящий выражает сомнение по поводу какого-либо факта или высказывает предположение, требуя подтверждения со стороны слушающего. Такие предложения могут быть и утвердительными, и отрицательными: “明天你在大会上发言哪?” («Ты завтра на собрании будешь произносить речь?») [10, с. 412]; “不怕上学迟到呀?” («Не боишься опоздать на занятия?») [3, с. 60].

Наиболее часто встречающимся видом вопросительных предложений, в которых употребляется частица 啊, является специальный вопрос. В этом случае 啊 смягчает интонацию предложения: “咱们什么时候走哇?” («Ну и когда мы пойдем?») [10, с. 412]. Для смягчения интонации 啊 употребляется также в риторических и альтернативных вопросах: “这孩子在玩什么把戏呀?” («В какую же игру играет этот ребенок?»)

[4, с. 200]; “你到底来不来呀?” (“Ты, в конце концов, придешь или нет?”) [10, с. 412].

2) *Использование в побудительных предложениях.*

Ах смягчает интонацию побудительных предложений, переводит приказ в наставление или напоминание: “注意啊, 比赛马上开始了!” (напоминание: «Внимание, соревнование вот-вот начнется!») [10, с. 413]; “明天你可早点来啊!” (наставление: «Приходи же завтра пораньше!») [10, с. 413]. Ах иногда также употребляется в предложениях, выражающих просьбу поторопиться: “快请客人进来呀!” («Поскорей же пригласи гостя войти!») [6, с. 151].

3) *Использование в повествовательных предложениях.*

Ах может употребляться в повествовательных предложениях для объяснения или напоминания чего-либо. В этом случае интонационно выделяется сказуемое, предшествующее ах: “小明, 你可得努力呀, 不然要掉队了。” («Сяомин, тебе следует быть старательным, в противном случае ты отстанешь от других») [10, с. 413].

В повествовательных предложениях ах может употребляться после двух или более одинаковых или разных глаголов. Такие предложения означают, что обозначенные действия происходят подряд и достаточно долгое время: “等呀, 等呀, 终于, 太阳公公从海里游了上来。” («Ждал он, ждал, и наконец Солнышко выплыло из моря») [3, с. 11].

4) *Использование в восклицательных предложениях.*

Ах наиболее часто употребляется в восклицательных предложениях, где выражаются различные чувства говорящего: сожаление, вздох по поводу чего-либо, похвала и т. д. Её функция – сделать предложения не такими резкими: “我真幸运啊!” («Я действительно счастлив!») [3, с. 21]; “这都是一位听别人的意见, 而产生最严重的后果啊!” («Прислушиваясь к чужому мнению, можно столкнуться с самыми серьезными последствиями!») [4, с. 156].

5) *Использование в предложениях для обозначения паузы.*

С помощью частицы ах можно выделить какую-либо часть предложения, для того, чтобы слушатель сконцентрировал своё внимание на дальнейшем изложении: “这个字呀, 念 niang。” («Этот иероглиф читается niang») [3, с. 379]. Также ах употребляется в предложениях, где говорящий выражает свои сомнения, колеблется: “我呀, 还没有考虑好呢。” (колебание: «Я... еще как следует не обдумал это.») [10, с. 414]. Ах выделяет обращения, создавая мягкую и сердечную интонацию: “同志啊, 邮局在哪儿?” («Товарищ, где находится почта?») [10, с. 414]. Эта частица используется в предложениях предположения: “如果他不来呀, 你就去请他。” («Если он не придет,

то пойдй позови его») [10, с. 414]; в предложениях для приведения примера: “像“好”啊, “妙”啊什么的。” («Например, иероглифы 好, 妙 и так далее») [3, с. 381]. При анализе китайских текстов нами был обнаружен еще один пример использования данной частицы для обозначения паузы – употребление в ответных репликах: “不行啊, 明明, 我还有好多事要办呢。” («Нельзя, Минмин, у меня еще полным-полно дел, которые нужно сделать») [3, с. 12]; “对啊! 说的对啊!” («Верно! Правильно говоришь!») [4, с. 155].

Частица 呢.

1) *Использование в вопросительных предложениях.*

Частица 呢 (в письменной речи может писаться как 呐) употребляется для смягчения интонации в вопросительных предложениях с вопросительными словами “谁”、“什么”、“怎么样”、“哪儿” и т. д. Анализ текстов показал, что это наиболее частотное употребление данной частицы: “这是怎么回事呢?” («Как же такое может быть?») [10, с. 419]; “哪个节日人最喜欢呢?” («Какой праздник больше всего любим человеком?») [3, с. 16].

Иногда в вопросительных предложениях может опускаться вопросительное слово “在哪儿” (“在哪里”) и употребляться только частица 呢 после существительного или словосочетания: “妹妹, 你的靴子呢?” («Сестра, где же твои сапоги?») [10, с. 420]. Такие предложения допустимо использовать лишь в той ситуации, когда собеседник может ответить на вопрос, т. е. не в случаях риторического вопроса.

При обязательном условии контекста 呢 может ставиться после личных местоимений и существительных, остальные члены предложения отсутствуют: “我学习汉语, 你呢?” («Я изучаю китайский язык, а ты?») [11, с. 76]; “球呢? 哪里去了?” («А мяч? Куда он делся?») [3, с. 114]. Но если нет контекста, то тогда сочетание личное местоимение/существительное + 呢 будет обозначать вопрос о месте, где находится объект: “他呢?” («Где он?») [11, с. 76].

呢 может использоваться в альтернативных вопросах для смягчения интонации: “咱们是去颐和园呢, 还是去北海呢?” («Мы пойдем в парк Ихэюань или в парк Бэйхай?») [10, с. 420]. Иногда в подобных предложениях опускается сказуемое и остается только 呢: “他开始不同意你的意见, 后来呢?” («Он сначала не соглашался с твоей точкой зрения, а потом согласился?») [10, с. 421].

2) *Использование в повествовательных предложениях.*

Частица 呢 употребляется в повествовательных предложениях, в которых сказуемым является прилагательное или глагол, перед сказуемым нередко стоит слово “可”. Подобные предложения используются в речи тогда, когда говорящий хочет сообщить собеседнику нечто новое или же на-



помнить о чем-то. Предложения заключают в себе преувеличение: “哪儿啊, 差得远呢!” («Да что вы, еще далеко до идеала!») [6, с. 43]. При анализе текстов было обнаружено, что *呢* может использоваться и в предложениях, где говорящий выражает собственное мнение, без преувеличения: “怪不得您那么着急呢。” («Неудивительно, что вы так спешите») [6, с. 43].

В повествовательном предложении с *呢* перед сказуемым могут стоять наречия *才* и *还*. В этом случае в предложении присутствует значение сопоставления: “天黑了我才回家呢。” («Стемнело, и я лишь тогда вернулся домой») [3, с. 11]; “可, 我还没有玩够呢。” («Но я еще не наигрался») [3, с. 11]. Предложения с *才* и *还* могут иметь и другое значение: “上海才热闹呢!” («Ну и весело же в Шанхае!») [9, с. 197].

Повествовательные предложения с *呢* могут выражать похвалу или упрек: “我发现你的口语也提高了很多呢!” («Я заметил, что твой уровень разговорного языка тоже намного повысился!») [6, с. 150]; “连这个都不懂, 还是个大學生呢” («Даже этого не понимаешь, а ведь все-таки студент.») [9, с. 198].

3) *Использование в предложениях для обозначения паузы.*

Возможно три варианта употребления частицы *呢* в данном значении. Первый – *呢* ставится после подлежащего и имеет значение «а что насчет ... (к-л человека, факта и т. п.)»: “你走好了, 我呢, 你就不用管了。” («Ты хорошо продвигаешься, а что насчет меня, то тебе не стоит вмешиваться.») [10, с. 422]. Второй – употребление в предложениях предположения: “要不是病了, 我才不会白天睡觉呢。” («Если бы не заболел, я бы не смог спать днем.») [6, с. 163]. Третий – использование в предложениях, где представлены точка зрения или объяснение говорящего по поводу причины каких-либо событий: “他说昨天晚上没来上课是原因头疼, 其实呢, 他是看电影去了” («Он сказал, что вчера вечером не пришел на занятия из-за головной боли, а на самом деле он ушел смотреть кино») [10, с. 423].

Таким образом, в ходе рассмотрения способов выражения модальности в языках разных типов было выяснено, что в европейских языках, в частности русском и английском, основным способом выражения модальности является категория наклонения, в то время как в китайском языке данную категорию отдельно не выделяют, а для выражения модальности особое значение имеют фразовые модальные частицы.

Список литературы

1. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
2. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность: монография. Изд. 2-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 216 с.
3. Кочергин И. В. Хрестоматия для чтения на китайском языке: учеб. изд., 2-е изд., испр. и доп. М.: Восток-Запад, 2004. 494 с.
4. Плотникова Л. И., Юйшина Е. А. Китайская ментальность в легендах и сказках: этнопсихолого-лингвистический аспект: учебно-метод. пособие. Чита, 2008. 460 с.
5. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков: научное издание. М.: Восточная литература, РАН, 1995. 352 с.
6. Су Ж. Практический курс китайского языка. Разговорный практикум / Жуйцин Су, Луся Ван, С. П. Старостина. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 219 с.
7. Философский энциклопедический словарь // редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
8. Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
9. 汉语语法难点释疑 / 刘月华等著. – 北京: 华语教学出版社, 2009. 245 页.
10. 实用现代汉语语法 / 刘月华等著. – 增订本. – 北京: 商务印书馆, 2001. 1003 页.
11. 图示汉语语法 / 耿二岭编著. – 北京: 北京语言大学出版社, 2010. 255 页.

Рукопись поступила в редакцию 17. 06. 2011.